

Талина Куликова

хорошее
настроение
гарантировано

Одна помолвка на троих

*Хороший муж не должен
мешать женщине быть
счастливой*

Галина Михайловна Куликова

Одна помолвка на троих

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6735224

Галина Куликова. Одна помолвка на троих: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-70839-0

Аннотация

Женское счастье залегает гораздо глубже, чем мужское. Приходится годами грызть пустую породу, прежде чем наткнешься на самородок. К тридцати годам Агата Померанцева грызть устала и остановила свой выбор на Романе – средненьком таком мужчине, без затей. А что? Для гнездовития он может оказаться самым надежным. И вот уже получены из типографии приглашения на свадьбу, как случается непредвиденное: Агата вдруг испытывает такое притяжение к мужчине, с которым ненароком дерется на стоянке, что перед ней возникает вопрос – а стоит ли поддаваться голосу разума, соглашаясь на синицу в руке?

Галина Куликова

Одна помолвка на троих

* * *

С появлением Интернета между флиртом и замужеством пролегла огромная пропасть. Агате Померанцевой повезло познакомиться со своим женихом «дедовским» способом – в магазине, возле прилавка с полуфабрикатами: она поскользнулась на мокром полу и буквально упала в объятия стоявшего рядом парня. С тех пор прошел год. И вот уже готовы приглашения на свадьбу: мелкие розовые цветочки, немного серебряной фольги, тюлевый бантик. Бантик казался Агате чуточку сентиментальным, но очень, очень милым.

Однако, как только приглашения оказались у Агаты в руках, на нее нахлынули дурные предчувствия. А дурные предчувствия все равно что бездомные собаки: привяжутся – не отгонишь. Так что домой она возвращалась мрачнее тучи. Вошла в подъезд и придержала дверь ногой, чтобы та оглушительно не хлопнула за ее спиной. Дождалась мягкого щелчка и направилась к лифту. Лифт не работал. Кнопка была тусклой, а панель, по которой обычно бегали зеленые цифры с номерами этажей, казалась мертвой.

Агата горько усмехнулась и поплелась вверх по лестнице.

Однако, миновав третий этаж, внезапно почувствовала, что за спиной кто-то есть. Кто-то поднимался вслед за ней, быстро и молча. Догонял ее, уже дышал в спину... Возможно, это бандит, который вот-вот стукнет ее по голове и унесет сумку со свиными отбивными и замороженными шампиньонами...

– Агафья Померанцева, стой! – загремел позади нее низкий голос.

Агата остановилась и, не поворачиваясь, подняла глаза к потолку. Не узнать голос соседки Марьи было просто невозможно. Он казался ядовитым и прокуренным, и ни с каким другим голосом спутать его было нельзя.

– Если ты хотела меня напугать, то у тебя ничего не вышло, – ответила она и посторонилась, позволив Марье протиснуться вперед.

Та взобралась еще на несколько ступенек, развернулась и встала так, чтобы не дать Агате пройти.

– Скажи мне, что это неправда, – потребовала Марья, сложив руки на груди.

– Не изображай из себя Бэтмена на крыше небоскреба, – сварливым тоном ответила Агата. – И про что ты спрашиваешь, я понятия не имею. Что – неправда?

– То, что ты собираешься замуж за этого придурка Стрыкина.

Марья была невысокой и тощей брюнеткой с глазами сиамской кошки и сердцем льва. Нервничая, она яростно слезла с глаз челку.

– Не обзывай моего будущего мужа придурком! – вознегодовала Агата и опустила сумки на ступеньки.

Освободив таким образом руки, она получила возможность жестикулировать и помахала пальцем перед носом Марьи.

– Я выйду замуж, и точка.

– Боже мой, Агафья! Ты такая самостоятельная, деловая, эффектная девушка! Твоим мужем должен стать кто-то умный и сильный, кто-то симпатичный и обаятельный. А ты отдаешь себя в руки заурядного рыжего засранца!

– Заурядный муж не доставляет хлопот, – парировала Агата. – Я хочу создать семью. Обычную ячейку общества. У меня нет никаких сверхзадач. И Роман мне невероятно подходит.

– Не подходит, – отрезала Марья. – Со стороны виднее. Он позер и зануда. И ловелас к тому же. Я сама видела, как он заигрывал с новой дворничихой.

– Все-то ты про всех знаешь! Вот послал бог соседку...

– Я не соседка, я твоя совесть, – провозгласила Марья и извлекла из кармана сигарету и зажигалку. – Вернее, твой разум, который ты потеряла в погоне за удовольствиями. Хотя что за удовольствие иметь в мужьях Стрыкина? – Она закурила и глубоко затянулась. Выпустила дым и ткнула сигаретой Агате в грудь: – Вот посмотри мне прямо в глаза и скажи, что любишь его!

Агата свирепо уставилась на нее и отдельно произнесла:

– Я. Его. Люблю.

– Тьфу, чтоб тебя разорвало на молекулы. Мне надо выпить. Пойдем ко мне, хлопнем по сто пятьдесят, я тебе все объясню про мужчин.

– Стану я слушать! Какой ты в этом деле авторитет? По меркам Китая, ты уже давно старая дева.

– Ты меня еще с собакой сравни! Потому что по собачьим меркам я вообще должна вот-вот откинуть лапы.

– Очень смешно, ха-ха. – Агата снова подняла свои сумки и расправила плечи. – Убери свой тощий зад с дороги.

– Но мы же договорились пойти ко мне и поговорить по душам!

– Роман вот-вот вернется с работы. Так что моя душа целиком настроена на то, чтобы поскорее начать чистить картошку.

– Слушай, я тебе серьезно говорю: Стрыкин – это плохой выбор. В самом-то деле, ну что тебя разобрало так срочно выходить замуж?

– Возраст, – сразу же ответила Агата. – Мне уже двадцать восемь. И я десять лет в активном поиске. Ни один красивый и незаурядный за все это время на меня глаз не положил. А я не собираюсь стариться в одиночестве.

– То есть в свои двадцать восемь ты уже готовишься к пенсии? – насмешливо уточнила Марья.

– А что? Я могу еще лет десять не встретить подходящую партию. Сейчас не те времена, чтобы всерьез рассчитывать

на принца. Мне просто нужно, чтобы кто-нибудь был рядом.

– Понятненько. – Марья презрительно ухмыльнулась: – Если не принц, так хоть Стрыкин.

– Ты завидуешь, потому что сама осталась в девках, – запальчиво ответила Агата. – И не знаешь, что такое прочные отношения.

– Прочные отношения бывают только у альпинистов, которые привязаны друг к другу веревкой.

Пока они препирались, дверь подъезда хлопнула, и внизу громко чертыхнулись.

– А вот и твой красавец, – насмешливо сказала Марья и пообещала: – Как только он наденет тебе на палец кольцо, прогремит гром и тебя убьет молнией просто потому, что ты такая дура.

– Занимайся лучше своими делами, – пробурчала Агата. – И скройся с моих глаз.

Марья фыркнула и наконец ретировалась, резво взбежав по лестнице наверх. Агата облегченно вздохнула. Через некоторое время в поле ее зрения появился Роман. Лицо его было бледным, на щеках горели красные пятна, на лбу выступила испарина.

– Господи, что ты тут делаешь? – спросил он, увидев Агату на лестнице.

– То же, что и ты: иду домой. Кстати, я рада тебя видеть.

– Я тоже ужасно рад, – ответил Роман странным высоким голосом. – Давай сюда сумки. Не ставила бы ты их на пол! А

то натащишь в квартиру всякой дряни...

– На твоих ботинках тоже много всякой дряни, – заметила Агата, с улыбкой глядя на него.

– Ботинки я оставляю в коридоре, а продукты ты несешь на кухню. Туда, где готовится еда.

– Боишься микробов? – насмешливо спросила Агата. Обняла Романа за шею, притянула к себе и быстро поцеловала в губы.

Губы были холодными и влажными. «Как слизи», – пронеслось в голове Агаты. И без того бурное дыхание Романа участилось.

– У тебя все в порядке с артериальным давлением? – на всякий случай спросила будущая жена.

– В полном и абсолютном. Я просто... торопился к тебе, быстро шел, а тут еще этот лифт...

Войдя в квартиру, Роман первым делом переобулся в замшевые тапочки, которые ждали его возле коврика. Без тапочек он по комнатам не ходил, и Агата так до сих пор и не выяснила: был ли пол для него слишком холодным или слишком микробоопасным.

– Пойду ужин приготовлю, – сказала она, направляясь на кухню. – Ты голодный?

– Разумеется, голодный. Я что, по-твоему, ужинаю где-то в другом месте?

– У тебя сегодня плохое настроение, – констатировала Агата, пожав плечами.

В последнее время Роман постоянно был на взводе, и она думала, что это из-за грядущей свадьбы. Считается, что мужчины в принципе не хотят жениться и делают это только потому, что у них нет другого выхода. Если женщина дорога, им приходится жениться, иначе отношениям конец.

Агата отправилась на кухню, и, как только она скрылась из виду, у Романа в кармане зазвонил мобильный телефон. Он достал его и посмотрел, кто звонит. «Светлов К.», было написано на дисплее. На самом деле это означало – Светлана Кареткина. Роман чертыхнулся сквозь зубы и поспешно приложил телефон к уху.

– Рома, это ты? – донесся до него жаркий голос. – Ты где?

– Ты знаешь где! – прошипел он в ответ, с опаской оглянувшись. Агата включила на кухне воду и шуршала пакетами. Тем не менее Роман метнулся в самый дальний угол комнаты и прикрыл микрофон ладонью. – Зачем ты звонишь? Мы же договорились созвониться позже.

– Да я просто с ума тут схожу! Не могу дождаться, когда все закончится. – Его собеседница задохнулась от волнения. – Ты ей уже сказал?

– Когда бы я успел? – Роман почувствовал, что брызжет слюной, и попытался успокоиться. – Мы только вошли. И вообще... Я не представляю, как ей сказать. Ты же ее знаешь! Она необузданная. И еще она сегодня получила свадебные приглашения. Неподходящий момент, это точно.

– Никогда не будет подходящего момента. – Кареткина на-

чала сердиться. – И не переживай, не помрет она.

– Речь не об этом!

– У нее было два мужика, и оба ей изменяли. Подумаешь, какая трагедия! Ты уже третий, Роман. Если ее постоянно бросают, значит, она сама виновата.

В этот момент из кухни донесся веселый голос:

– Ром, ты не вынесешь мусор? Ой, нет, погоди, я сначала все пакеты соберу. Ладно, после ужина вынесешь!

– Слушай, я позвоню тебе завтра, – прошипел Роман, с тревогой глядя на дверь, откуда запросто могла появиться Агата.

– Нет, сегодня вечером. Ты же не собираешься там ночевать? – Его собеседница не могла скрыть подозрения. – Рома, ты обещал! Поговори с ней и уходи, ясно? Только скажи ей сегодня! Скажи ей.

– Хорошо, – выдавил он из себя и отключился.

Постучал мобильником по ладони и вытер пот, выступивший над верхней губой.

– «Скажи ей!» – передразнил он шепотом. – Возьми и сама скажи.

Роман отчаянно трусил. Агата как-то быстро прибрала его к рукам, он и глазом не успел моргнуть. Здесь, в ее квартире, у него был свой шкаф, свой рабочий стол... Агата стирала ему белье, гладила рубашки и кормила ужином. Она организовывала совместные выходные, а на праздники покупала подарки его родственникам. И все равно он не собирался на

ней жениться так скоропалительно!

Да, у них все складывалось нормально, просто отлично. Но даже после того, как они начали встречаться, Роману все еще хотелось чувствовать себя свободным парнем, который вправе познакомиться с любой девчонкой. Он вел обширную переписку в социальных сетях и часами перестукивался с хорошенькими блондинками, чей лексикон изобиловал словечками «клево», «круто» и «типа». С появлением Агаты в его поведении ничего не изменилось, он продолжал свой «танец одинокого самца» и вот теперь, кажется, серьезно вляпался. На сегодняшний день у него целых две женщины, ни на одной из которых он не хочет жениться.

Как только Агата накрыла на стол, Роман поспешно включил телевизор. Вести беседу было невмоготу. Его терзал страх, а тень неминуемого скандала убивала аппетит. Он взял пульт, побегал по каналам, нашел старый боевик со Сталлоне и уставился на экран. Потом краем глаза посмотрел на Агату. Та жевала, задумчиво глядя на сахарницу. «Как ей во всем признаться?! Она уже хвасталась приглашениями на свадьбу и выбрала чертов торт. Может быть, соврать что-нибудь?! Сказать, что я смертельно болен и не хочу отравлять ей жизнь? Нет... Она сердобольная и тогда уж точно вцепится в меня, как бультерьер в резиновый мячик».

Куриные котлеты плохо шли под автоматную стрельбу, и Роман жевал и глотал, не чувствуя вкуса. А может быть, наслаждаться едой ему мешала мысль о том, что его обман ско-

ро раскроется. И когда внезапно зазвонил телефон, он от неожиданности уронил вилку.

– Это городской, – сказала Агата, поднимаясь.

О терзаниях Романа она не подозревала, только сердилась на него за то, что он весь вечер с ней не разговаривал. А у них, между прочим, скоро свадьба. Есть что обсудить.

– Алло, – сказала она деловым тоном, быстро сняв трубку.

Возможно, звонит какой-нибудь клиент, задумавший украсить свой кабинет полиуретановой лепниной или в сто первый раз поменять обивку дивана. Дизайнеру приходится учиться хладнокровию, иначе он может стать серийным убийцей.

– Агафья Померанцева? – донесся до нее усталый женский голос. – Это с вами медсестра говорит. Из пятидесятой больницы. У нас тут тяжелая пациентка, просит, чтобы вы приехали. Хочет вам что-то сказать. Целый день мне сегодня совала бумажку с вашим номером телефона. Запишите отделение и номер палаты.

У Агаты сердце ушло в пятки. Тяжелая пациентка! Может быть, это бабушка? Какая-нибудь из бабушек – одна или вторая?..

– Боже мой, – пробормотала она, дрожащей рукой выводя в блокноте цифры. – А кто, кто она? Как фамилия пациентки? Лебедева или Померанцева?

– Да нет, – медсестра зашуршала бумажками, – ее зовут Раиса Тихоновна Нефедова.

Агата взволнованно переступила с ноги на ногу. Сердце, только что стучавшее в горле, медленно опустилось на свое место. Ручка выпала из пальцев и покатила по журнальному столику.

– Но я не знаю, кто это такая!

– Простите, тут уж я ничем помочь не могу. – Было ясно, что медсестра рассердилась, хотя сердиться было вовсе не на что. – Хотите – приезжайте, хотите – нет. Я просьбу умирающей выполнила, а вы уж поступайте по своей совести. Сегодня уже поздно, а завтра посетителей начнут пускать с одиннадцати утра.

Медсестра отключилась, и в трубке заныли короткие гудки.

– Что случилось? – спросил Роман, гонявший по тарелке последний кусок котлеты.

– Не знаю, – Агата пожала плечами. – Какая-то незнакомая женщина просит меня приехать к ней в больницу...

– Точно незнакомая?

– Имя и фамилия мне ни о чем не говорят. Или, может быть, я просто забыла? Бывает же, что-то вылетит из памяти... Надо завтра заехать, узнать, в чем дело. Медсестра сказала, пациентка тяжелая.

– Это ужасно, – заметил Роман, явно думая о чем-то своем.

Агата посмотрела на него внимательно. Крупный, плечистый, с плоским животом, он выгодно отличался от многих

своих сверстников. Ей нравилась его внешность, с ним было приятно появляться на людях. Неожиданно она вспомнила, как одна актриса, побывавшая в браке раз десять, с чувством сказала: «Хороший муж не должен мешать женщине быть счастливой». Вдруг Роман не из таких? Ему не хочется ничего менять в своей собственной жизни, зато хочется, чтобы она, Агата, все изменила ради него. Кажется, он считает это совершенно нормальным.

«Господи, чем я недовольна? – тут же одернула она себя. – Мне скоро двадцать восемь, я хочу мужа и детей. Пусть даже рыжих и с конопушками! Роман – то, что мне нужно. Да, он самый обыкновенный, но это и хорошо. С особенными мужчинами жить особенно тяжело».

– Роман, скажи, ты не жалеешь, что сделал мне предложение? – спросила она, подсев к нему поближе и взяв за руку.

Роман вздрогнул так, будто до него дотронулся электрический скат, а не собственная невеста.

– Н-нет, – запнувшись, ответил он и, быстро взглянув на Агату, набрал в грудь побольше воздуха. – Но... Раз уж ты спросила... Мне кое-что нужно тебе рассказать.

– Ты влюбился в дворничиху? – спросила Агата, сдвинув брови.

Роман замолчал и уставился на нее. В настоящий момент его чувство юмора издыхало, придавленное тяжелым камнем вины.

– В дворничиху? – наконец потрясенно переспросил он.

– Да я шучу, чего ты так испугался? – засмеялась Агата. – Если бы ты и в самом деле изменил мне накануне свадьбы, я бы... Даже не знаю, что бы я сделала. Выбросила бы тебя в окно. В гневе я становлюсь сильной и несокрушимой, как один из братьев Кличко. Как два брата, вместе взятые.

– Милая, я знаю, что ты самая лучшая женщина на свете, – сделал еще один заход Роман, нащупав в кармане телефон, который пока что грозно молчал. – Но...

– Конечно, я лучшая! – не дала договорить ему Агата. – Жениху положено восхищаться невестой. Только полный придурок может довести дело до женитьбы, а потом вдруг начать сомневаться в себе.

Она взяла со стола нож и принялась намазывать на хлеб сливочное масло.

– Я в тебе не сомневаюсь, но...

– Посмотри, какой отличный нож я купила, – сказала Агата, подняв вверх тесак с широким лезвием. – Керамический! Может разрезать шелковый платок. Будь с ним очень осторожен.

Роман проследил глазами за ножом и молча уставился на Агату. Заметив его взгляд, она наклонилась и свободной рукой обняла его за шею. Это был ее любимый жест. Она потянулась губами к губам Романа и поцеловала его в окоченевший от ужаса рот. В другой руке она по-прежнему сжимала свое страшное оружие.

– Пойдем в кровать? – шепотом спросила Агата, от кото-

рой пахло сливочным маслом и котлетами.

– Конечно, пойдём, – выдавил из себя Роман и на ощупь отключил в кармане мобильник.

Он не знал, что делать. Признаться ей прямо в постели? Так вместо ножа она в гневе может схватиться за настольную лампу. А у лампы, между прочим, бронзовое основание... Отчаяние накрыло его с головой, как большая волна неумелого пловца. Он поплелся в спальню, покорно снял с себя одежду и скользнул под одеяло – голова его горела, а ноги были ледяными.

– Скоро мы станем мужем и женой, – сказала Агата, прижавшись к нему всем телом.

Роман закрыл глаза. Женщина, лежавшая рядом, неожиданно представилась ему спрутом, который опутал его щупальцами с ног до головы. Ему стало нечем дышать, и он едва сумел подавить приступ паники.

– Я так тебя люблю, – шепнул спрут прямо в его пылающее ухо.

– И я тебя, – соврал Роман, а про себя подумал: «Светка меня убьёт, если узнает, что я остался ночевать у Агаты. Я уже и сам не понимаю, кому из них я по-настоящему изменяю. Надо немедленно с этим разобраться».

Он повернулся на правый бок, обнял Агату двумя руками и притянул к себе.

Больничные корпуса занимали огромную территорию. Их можно было даже не окружать забором: такая плотная стена уныния стояла вокруг. Чем ближе Агата подходила, тем мрачнее становились ее мысли, а оптимизм вытекал из сердца, как топливо из пробитого бензобака. «Господи, дай мне здоровья, а тем, кто тут лежит, выздоровления!» – горячо помолилась она и, обнаружив нужный корпус, взялась за ручку двери.

Больничный запах мгновенно ворвался в ее легкие. Агата развернула мятный леденец и спрятала за щекой, как будто это могло помочь ей преодолеть подавленное настроение. Купив бахилы и кое-как нацепив их на ноги, она вошла в лифт, поднялась на пятый этаж и отыскивала медсестру, которая вчера ей звонила. Медсестра оказалась крупной, суровой, в очках с сильными линзами.

– Нефедову перевели в реанимацию, – сообщила она. – Так что вы опоздали.

Вероятно, это была ее манера общаться с миром – без лишних слов и без лишних эмоций.

– И поговорить с ней нельзя?

– Вы же не близкая родственница.

– Я вообще не знаю, кто я для нее, – развела руками Агата. – Слушайте, может быть, к Нефедовой кто-то приходит?

Дети или внуки?

– До сих пор ее никто не навещал, – отрезала медсестра.

Но Агата не хотела так просто сдаваться:

– Послушайте, ведь до реанимации Нефедова в палате лежала не одна?

– Конечно, не одна. У нас тут городская больница, а не пятизвездочный отель. Мест всегда не хватает.

– Может быть, она поделилась с кем-нибудь, рассказала, зачем я ей так срочно нужна?

Несмотря на резкость, медсестра показала, куда идти, первой вошла в палату и быстро выяснила, с кем имеет смысл поговорить.

– Вот Татьяна Петровна, возможно, что-то слышала, – повернулась она к Агате. – У вас десять минут. Потом пациентам будут делать уколы.

– Да я ненадолго...

Агата присела на стул возле старушки в белой ситцевой косынке. Старушка казалась совсем слабенькой, но глядела на посетительницу лучистыми глазами. Агата положила на тумбочку конфеты, которые принесла с собой.

– Бабушка, я Агафья Померанцева. Вы не скажете, почему ваша соседка меня разыскивала? Хотела, чтобы я пришла сюда... А я о ней даже никогда не слышала. Откуда она меня знает?

– Раиса не особо-то со мною и делилась, милая, – прошелестела старушка. – Слыхала только, она говорила про тебя,

будто можешь ты спасти одну живую душу. Надо, говорит, на эту Агафью посмотреть и понять, есть ли у нее сердце. Захочет ли спасать?

– Какую душу? – растерялась Агата. – Кого нужно спасать? Ее?

– Нет, не ее, милая. Кого-то другого, кого она любит и о ком беспокоится.

– Но кто это?!

– О том я не ведаю. – Старушка шевельнула тонкой сухонькой рукой. – Слыхала только, дочка, Раиса все шептала, будто это с твоей матерью связано. И что это тайна. А более я ничем тебе помочь не могу.

Могильный холод упал на Агату и на несколько секунд превратил ее в ледяную статую. Мама... Тайна... Бог мой, да нет у них в семье никаких тайн! Несчастья – это да, этого навалом. Но тайны?!

Родители погибли на Севере, в туристическом походе, утонули в узкой бурной реке. Их лодка перевернулась, и они не смогли спастись. Пятилетняя Агата в это время находилась в Москве, с бабушкой и дедушкой. Она долго не могла понять, что мама и папа никогда не вернуться домой, и всей душой невзлюбила няньку, которую привезли из какой-то деревни и поселили в детской. Нянька была старой и уже давно умерла. Да и вряд ли она могла знать про какие-то тайны...

Дед тоже умер. Из близкой родни у Агаты остались только

две бабушки. И с одной из них ей совсем не хотелось встретиться. Как раз с той, которая ее вырастила...

* * *

Глеб Шагарин сидел за рабочим столом и вдумчиво листал блокнот, делая вид, что ищет нужную запись. На самом деле он даже не всматривался в строчки, а напряженно ждал, когда его секретарша наконец закончит собирать бумаги и выметется из кабинета.

– Глеб Аркадьевич, можно мне уйти на полчаса раньше? Мне надо к стоматологу, Глеб Аркадьевич.

Она была тощей, длинноногой и белобрысой и, судя по всему, считала себя по меньшей мере топ-моделью. По крайней мере, он не раз замечал, как томно она обмахивается ручкой и выразительно виляет задом, дефилируя по коридорам.

– Разумеется, – выдавил он из себя, стараясь не наткнуться на взгляд ее ярко-голубых глаз. – Иди, Кареткина, поправляй здоровье.

Она ему не нравилась. Даже ее привычка закладывать прядку волос за ухо выводила его из себя.

– Спасибо, Глеб Аркадьевич.

«Можно было бы обойтись простым «спасибо», – подумал Глеб. – Но нет, ей обязательно нужно назвать меня по имени-отчеству. Сто раз, двести раз за день». Иногда ему каза-

лось, что эти «глебаркадьевичи» порхают вокруг него, как колибри вокруг перуанской орхидеи.

Секретарша испарилась, напоследок выстрелив в него улыбкой. Выждав пару минут, Глеб встал, подошел к двери и прислушался – тихо. Достал из бара бутылку и плеснул в стакан коньяка. Задумчиво понюхал и прикрыл глаза. Это был запах вечера пятницы, насыщенный, плотный, обещающий хорошие долгие выходные. «Приятно отвечать только за самого себя, – подумал он. – За самого себя да еще за горы железа».

Его благосостояние базировалось на компьютерных технологиях, а компьютеры он никогда не одушевлял. Вот у его отца в былые времена не случалось нормальных выходных. Срочный вызов к пациенту был такой же неизбежностью, как смерть. По воскресеньям маленький Глеб накрывал телефонный аппарат подушками или тяжелыми родительскими пальто, но это никогда не помогало.

– Можешь не стараться, – говорила мать с уважительной обреченностью в голосе. – Он все равно уедет кого-нибудь спасать. Он никогда не изменится.

Но некоторое время спустя все изменилось, и для матери это оказалось полной неожиданностью, которая обрушила привычный порядок вещей.

Глеб отхлебнул из стакана, и желудок тихо ахнул, приняв бархатный удар коньяка. Сразу стало тепло где-то в области сердца. Он сунул руку в карман, чтобы в сто первый раз ощу-

пать кожаную коробочку. Ему захотелось достать ее и еще раз посмотреть на кольцо, но в этот момент раздался быстрый стук в дверь.

И почти в ту же секунду в кабинет ворвался Артем Ващекин, как всегда всклокоченный, в криво сидящих на носу очках. От его галстука в желто-синюю шашечку было больно глазам. Артем любил говорить, что в одежде предпочитает корпоративный стиль с чуточкой маразма. Он считал себя неотразимым для женского пола: не в последнюю очередь потому, что пользовался бешеной популярностью у сотрудниц отдела писем.

– Пьянствуешь? – спросил Артем, запустив обе руки в волосы и пройдясь по ним пальцами, словно граблями. – А как же безопасность дорожного движения?

– За мной заедет Дана, – ответил Глеб. – Собирается везти меня гулять. Так что я сегодня не за рулем.

«Не за рулем» было высшей степенью свободы, невиданным, непозволительным наслаждением. Недавно, доведенный пробками до отчаяния, он спустился в метро и провел в нем минут сорок. Его восхищали поезда, которые мчались по тоннелям так быстро, что иногда даже визжали от восторга. Ему нравилось, что они не застревают на станциях, а по эскалатору можно бежать, пиная неповоротливое время коленками. В движении была жизнь, и Глеб сразу же решил, что теперь постоянно будет ездить на метро. Уж духоту как-нибудь можно пережить! Однако на деловую встречу он в

итоге явился несвежим, с оторванной непонятно где и как пуговицей и ощущая странный упадок сил, как будто близкое соседство десятков незнакомых людей высосало из него жизненную энергию.

– Пожалуй, и мне налей. Простой минералки, – потребовал Артем. Плюхнулся на стул, вытянул ноги и сообщил, глядя на Глеба горящими глазами: – У меня сегодня была грандиозная стычка с рекламщиками.

– Опять? – Тот достал второй стакан и плеснул в него ледяной воды, из которой выпрыгивали икринки пузырьков. – Держи, запей свои неприятности. А из-за чего стычка?

– Наши доморощенные спилберги задумали устроить промоакцию по мотивам фантастического романа, в котором машины победили людей. Бюджет этой акции примерно такой же, как у «Властелина колец».

– Надеюсь, ты им не позволил, – ухмыльнулся Глеб, продолжая тискать в кармане заветную коробочку.

– Конечно. Они вопили, что я веду себя деспотично потому, что мы с тобой друзья детства и ты мне слишком много позволяешь.

– Может быть, это правда? – Глеб задрал брови и снова потянулся к бутылке.

– Ну... В какой-то мере. Но в общем и целом я занимаю должность вице-президента потому, что день и ночь работаю и сносу мне нет.

– Да уж, с этим не поспоришь.

– Я практически женат на работе и только в выходные хожу по девочкам. Кстати, где твоя секретарша? Что-то я ее в приемной не заметил.

– Ушла лечить зубы, – ответил Глеб, достав-таки из кармана коробочку и подбросив ее на ладони.

– Эх, как жалко... Присутствие секретарши делает жестокий мир бизнеса чуточку добрее.

– Тебе просто хочется пофлиртовать.

– А что такого? Флирт, дружище, это обещание, которое необязательно выполнять. Что для мужика важно.

– Ты в самом деле флиртуешь с Кареткиной? – удивился Глеб. – Веришь, я от нее за день так устаю, что всей душой радуюсь, когда она отпрашивается.

– Серьезно? А мне она очень даже нравится.

– Тебе все женщины нравятся.

– Было бы гораздо хуже, если бы женщины мне не нравились, – резонно возразил Артем. – Кстати, если ты забыл, на следующей неделе у нее заканчивается испытательный срок.

– У Кареткиной? – изумился Глеб. В его глазах появился неподдельный интерес.

– Я лично вписал в контракт тестовые полгода, – подтвердил Артем. – Зная, какой ты говнюк и до чего тебе трудно угодить.

– Так у меня есть реальный шанс от нее избавиться?! А ты сможешь сам ее уволить? – Глеб был похож на двоечника, которому разрешили легально прогулять диктант. – А я

сделаю вид, что уехал в командировку.

Артем посмотрел на друга с жалостью:

– Тебе нужно сходить к психоаналитику. Владелец процветающей компании должен уметь увольнять сотрудников. Любой руководитель должен это уметь! Если он не мокрая курица.

– Понимаешь, если бы она печатала с орфографическими ошибками или грубила посетителям... А к ней ведь не дерешься. Но при этом она меня страшно бесит. «Вы сегодня задержитесь, Глеб Аркадьевич? – передразнил он мерзким писклявым голосом. – Ах, Глеб Аркадьевич! Какой же вы трудолюбивый, Глеб Аркадьевич!»

– Она просто к тебе подлизывается, – констатировал Артем. – А ты бедняжку пинком под зад. Ладно, так и быть. Я уволю ее от твоего имени и сразу приглашу на свидание.

– Ты настоящий друг, – радостно сказал Глеб и снова подбросил коробочку на ладони.

– Что у тебя там? – наконец догадался спросить Артем. И тут же лицо его вытянулось: – Неужели кольцо?! Господи, да ты никак собрался жениться?

– Да вот, собрался, – ответил Глеб, ухмыльнувшись.

Он почувствовал, как коньяк медленно поднимается вверх, наполняя щеки горячей пульсирующей кровью.

– На Дане? – продолжал допытываться Артем.

– Нет, на тете Клаве из соседнего подъезда. Конечно, на Дане!

– Ах, черт! Значит, прощайте холостяцкие загулы? Хотя... Это я всегда был веселым холостяком, а тебя вечно уводило в сложные отношения. Я ненавижу заводить сложные отношения.

– И сам ты, разумеется, никогда не женишься. – Глеб понимал, что стоит на пороге перемен, и неожиданно почувствовал в животе странную вибрацию.

Как будто какая-то деталь его внутреннего механизма выбилась из общего ритма и запаздывает на долю секунды, заставляя всю конструкцию опасно подрагивать.

– Разумеется, не женюсь. Мама много лет объясняла папе, что изменять жене – подло и низко. А я при этом присутствовал. В конце концов она зомбирровала нас обоих. Так что свадьба для меня означает конец вольной жизни и начало рабской. Жениться – все равно что пообещать любимой гречневой каше есть только ее, одну ее, всю свою жизнь, пока смерть не разлучит нас, аминь. Такое обещание было бы враньем, потому что я точно знаю, что рано или поздно меня потянет на бекон и ананасы.

Глеб немедленно представил, что ему осточертела Дана, и улыбнулся. Вряд ли такое возможно.

– Дана мне идеально подходит, – сообщил он вслух. – Все, что мне нравится в женщинах, в ней есть.

И это было чистой правдой. Прежде чем купить кольцо, он не спал несколько ночей, обмозговывая предстоящий шаг. Сейчас у него появилась возможность еще раз перечислить

свои доводы, теперь уже вслух.

– Она интеллигентна, красива, добра, но при этом с характером. Прекрасно держится, умеет вести себя в обществе...

– Блестящая партия, – согласился Артем, сделав большой глоток и покатав жгучую от углекислого газа минералку во рту. – Папаша при деньгах, мамаша ухоженная, как породистая кошка, сама невеста отвечает всем мировым стандартам.

– Мне только кажется или я слышу иронию в твоём голосе? – Глеб поставил стакан, сел в кресло напротив Артема и скрестил руки на груди. Вид у него сделался воинственным.

– Иронию? – удивился его визави. – Да ничего подобного. Если бы меня полюбила такая девушка, как Дана, я бы от восторга сразу сошел с ума и попал в психбольницу еще до свадьбы. Кольцо-то покажи.

Заполучив коробочку, он открыл ее и поцокал языком, отдавая дань искусству ювелиров.

– Шик-модерн! Дана будет в восторге, точно тебе говорю. А вы с ней уже говорили о свадьбе?

– Ни разу, – качнул головой Глеб. – Но если честно, я давно об этом подумываю. В конце концов какого черта? Мне тридцать лет, у меня есть свое дело, в моей жизни все достаточно стабильно, с Даной у нас прекрасные отношения...

– Такое впечатление, что ты сам себя уговариваешь.

Глеб посмотрел на друга с раздражением:

– Хочешь, чтобы я принялся горячо доказывать, как ты

не прав?

– Да нет. – Артем пожал плечами и достал из кармана сигареты. – Раз ты почувствовал зов природы... Тем более вы с Даной уже сколько вместе? Почти год? Это срок! Многие браки распадаются гораздо раньше. Слушай, а можно я тут у тебя подымлю?

Глеб обреченно махнул рукой. Желание увидеть Дану и подарить ей кольцо разгоралось в нем, как пожар. Он вспомнил старый бабушкин сад и спелые яблоки, падавшие в траву одно за другим. Невыносимая сладость земного притяжения тянула их вниз и отрывала от веток. Он тоже готов был оторваться от своей ветки и, кажется, даже слышал, как скрипит черенок. Да, черт побери, он созрел для женитьбы.

– Я никогда не брошу курить, – заявил Артем, шелкнув зажигалкой. – Потому что курение вредит всему, кроме центра удовольствия в моем мозгу. А именно этот центр я особенно люблю побаловать.

Не успел он сделать первую затяжку, как дверь распахнулась и появилась Дана – высокая, элегантная, с раскосыми марсианскими глазами.

Глеб мгновенно подался ей навстречу, а Артем с контуженной улыбкой поспешил загасить в пепельнице только что зажженную сигарету.

Когда Блок писал про незнакомку, которая входит, «дыша духами и туманами», он наверняка имел в виду именно такую женщину, как Дана. Артему всегда казалось, что она

сделана из китайского фарфора и раскрашена вручную. Идеальная работа.

– Привет, мальчики, – сказала Дана и на секунду замерла на пороге, словно позволяя всем полюбоваться собой. Потом проплыла по кабинету и поцеловала Глеба невесомым поцелуем, вкуса которого тот почти не ощутил.

Однако ему необязательно было с ней целоваться, чтобы почувствовать прилив адреналина. При виде женской красоты в организме мужчины происходят неконтролируемые химические реакции, из-за чего тот способен превратиться и в павлина, и в тигра, и даже в осла. Глеб испытал уже привычный приступ самодовольства и краем глаза посмотрел на Артема.

Его друг вскочил на ноги и поспешно поправлял очки, галстук, пиджак – все, что можно было поправить.

– Ну как, мы едем или вы еще не закончили свои важные дела? – с легкой иронией спросила Дана.

В противовес хрупкому телосложению голос у нее был удивительно сильным.

– Сейчас, я только документы уберу, – сказал Глеб и обратился к другу: – Темыч, поухаживай за дамой.

Артем послушно подставил Дане стул. Она опустилась на него с таким изяществом, словно всю жизнь только и делала, что тренировалась грациозно усаживаться. При взгляде на нее сразу вспоминались фотографии, сопровождавшие светскую хронику: королевы, принцессы и другие именитые осо-

бы на официальных приемах. Судя по всему, таким женщинам основы этикета впрыскивали в кровь сразу при рождении, еще до прививок.

– Ладно, ребята, – сказал Артем. – Я пойду, мне надо к производственникам заскочить, пока все не разошлись.

Он торопился смыться отнюдь не из вежливости. Даже самому себе Артем не желал признаваться, что побаивается невесту своего друга. Женское совершенство лишало его воли и мешало мыслить здраво, а он не любил терять над собой контроль.

Артем вышел из кабинета, напоследок помахав рукой. Черт побери, он должен или не должен был сказать Глебу правду? О том, что женитьба на такой женщине все равно что призыв на военную службу? С момента обмена кольцами у друга не будет ни минуты личного счастья. Счастье жены – вот что станет определять уклад его жизни.

«Или я просто ему завидую? – подумал он сердито. – Ведь как ни крути, а в меня никогда не влюблялась такая красивая женщина. Может быть, это и стоит свободы?»

* * *

– Ты сегодня очень задумчивый, – заметила Дана, взяв Глеба под руку.

Они шли по длинной аллее, заплетая ногу за ногу. Теплое вечернее солнце залило все вокруг карамельной тянучкой.

Коричневые тени прилипали к подошвам туфель, и, вероятно, от этого ноги казались тяжелыми.

– Ммм? – удивился Глеб, хмуря брови.

Про себя он уже сто раз сделал Дана предложение. Один раз он говорил задорно: «А знаешь что? Мы с тобой отлично подходим друг другу. Почему бы нам не пожениться?» В другой раз вставал на одно колено и торжественно открывал коробочку с кольцом со словами: «Дана! Ты единственная любовь моей жизни. Стань моей женой!» В третий раз нежно брал ее за руку, заглядывал в глаза и проникновенно шептал: «Дорогая, я не представляю своей жизни без тебя. Я хочу, чтобы ты стала моей навеки. Выходи за меня замуж».

Был и четвертый, и пятый, и шестой раз... И каждый раз что-то его останавливало. Глебу казалось, что он будет выглядеть дурак-дураком и, конечно, скажет что-нибудь не так и не тем тоном, и Дана либо станет над ним смеяться, либо отмахнется от него... Он не знал, как она себя поведет. И от этого чувствовал себя хуже некуда. Просто ужасно себя чувствовал.

– У тебя неприятности на работе? – спросила Дана. И не успел Глеб ответить, как она расстроенным тоном добавила:

– А у меня как раз неприятности.

– Не может быть! – Глеб остановился и повернулся к ней лицом.

У нее, оказывается, неприятности! А он даже не спросил, как дела. Вел себя как законченный эгоист. Судьбоносный

разговор откладывался, и будущий жених на какое-то время снова стал самим собой.

– Что случилось? – спросил он. – Недовольные клиенты подали жалобу?

Фирма, в которой работала Дана, носила романтическое название «Порхающая магия». Для свадеб и юбилеев здесь заказывали тропических бабочек. Их выпускали в кульминационный момент торжества, заставляя всех без исключения гостей дружно ахать от восторга. Фирма занималась разведением, упаковкой и доставкой нежного товара.

– Помнишь, я тебе говорила о том, что мы собираемся расти? – Дана испытующе посмотрела на Глеба. – Ну, то есть фирма будет расширяться?

– Да, что-то такое говорила. – Тот морщил лоб, искренне пытаясь перестроиться с дел сердечных на дела бизнеса.

– Так вот Горянский предложил мне возглавить филиал в Питере. А его предложение все равно что неумолимый рок.

– Погоди-погоди, – помотал головой Глеб и взял Дану за руки, крепко сжав пальцы. – Ты что, хочешь сказать, что будешь мотаться из Москвы в Питер и обратно?

Они остановились возле закрытой на ремонт детской площадки. По бульвару прогуливалось множество людей, но здесь, в стороне от главной аллеи, они были одни.

– На какое-то время мне вообще придется переселиться в Питер: дел будет невпроворот. – Вероятно, она сдерживала слезы, потому что голос у нее сделался необычайно низким,

грудным и странно незнакомым.

– Но почему именно ты? – спросил Глеб, растерявшись.

К таким переменам он точно не был готов. Его голова сейчас напоминала голубятню, в которую ворвался кот, – мысли метались и бились, словно взволнованные сизари.

– Ну... Потому что больше некому. У Пашки семья – жена, ребенок, и у Сережки жена. Обе они работают. А меня вроде как ничто не привязывает к одному месту...

– А как же я? – Глеб взял девушку за плечи и притянул поближе к себе. – Разве я тебя не привязываю?

Волнение нарастало, как гул приближающегося вертолета. Дана подняла на Глеба несчастные глаза, и тот сразу же понял, что вот он – момент истины. Именно сейчас, именно в эту самую секунду нужно делать предложение. Привычным движением он сунул руку в карман пиджака. Странно, но никакого особого волнения он не чувствовал. А чувствовал только восторг от того, что все складывается совершенно идеально, так, как он и мечтать не мог.

Дана горестно потерлась щекой о его плечо:

– Для начальства неофициальные отношения значат не больше, чем пыль на дороге.

– Ну... Тогда знаешь что? – Глеб не мог не наслаждаться красотой ситуации. – Тогда давай поскорее сделаем их официальными.

Словно фокусник он извлек коробочку на свет божий и открыл ее, глядя на Дану с внимательной серьезностью. Нуж-

ная фраза выскочила из него сама собой. Наверное, не зря он столько репетировал.

– Дана, ты согласна выйти за меня замуж?

Она очень смешно ойкнула и прижала руки к груди. Уставилась на кольцо, широко распахнув глаза. Белки голубоватые, ресницы длинные, живые, без всякой косметики. Глеб подумал, что на свадьбе все мужики будут ему отчаянно завидовать.

– Конечно, согласна, – шепотом ответила Дана и подставила палец, на который Глеб с улыбкой надел кольцо. Тихо пискнув, новоиспеченная невеста бросилась ему на шею.

Он крепко прижал ее к себе и заулыбался, чувствуя, как за плечами разворачиваются крылья. Он, черт побери, молодец. Не упустил момент и все сделал вовремя. Решил – и сделал. Разве плохо, что его дальнейшую жизнь можно предсказать с точностью до марки семейного автомобиля и названия колледжа, в который они отдадут своего первенца? В стабильности есть своя респектабельность, если угодно, некий шик, и разве не к этому он всю жизнь стремился?

Вырвавшись из его объятий, сияющая Дана вскинула голову:

– Глеб, поедem к нам, скажем маме с папой! Пожалуйста, поедem! Они так обрадуются! Они тебя очень любят.

«Не уверен, что любят, но все же относятся хорошо, – мысленно поправил ее Глеб. – И почему бы им действительно не обрадоваться?»

Они и обрадовались! Антонина Петровна, маленькая, но сильная, пахнущая кремами и лосьонами, в которых она день и ночь купала свое тело, прижала Глеба к груди. Расстроженный Леонид Иннокентьевич, длинный, как аист, снял очки и, качая головой, принялся усердно протирать стекла, приговаривая:

– Поздравляю вас, дети мои! Поздравляю! Это так неожиданно... И так хорошо!

– Что хорошо, то хорошо, – соглашалась с ним Антонина Петровна. – Просто прекрасно!

Она молниеносно накрыла на стол, взмахнув скатертью и подняв в воздух пылинки, которые ускользнули от мощного пылесоса. Словно по волшебству появились шампанское в ведерке, натертые до скрипа бокалы и домашние пирожные с кокосовым кремом.

– Ну-с, за вас, молодежь! – провозгласил Леонид Иннокентьевич и высоко поднял свой бокал. – За ваше счастье!

Глеб никогда в жизни не встречал человека более обманчивой внешности. Иннокентий Горюнов, влиятельный бизнесмен и политик, выглядел как профессор-неудачник, подрабатывающий написанием левых дипломов. И только когда он снимал очки, становилось ясно, что некоторых аистов можно смело причислить к отряду хищных птиц.

Когда они чокались, стало заметно, что у Антонины Петровны слегка дрожат руки. Схватив салфетку, она промок-

нула испарину, выступившую на лбу и над верхней губой.

Глебу казалось естественным, что родители невесты нервничают и то и дело многозначительно переглядываются. Единственная любимая дочь собирается улететь из родного гнезда, это ли не событие? Ледяное шампанское не охладило его пыл и даже слегка вскружило голову. Он испытывал удовлетворение, да. Именно так все и должно было случиться. Женитьба – это серьезный шаг, и выбирать жену нужно с умом. Он и выбрал с умом. У них с Даной все получилось легко. Никаких непреодолимых препятствий, ночей, полных лихорадочной страсти, побегов на край света, душераздирающих сцен, никаких поспешных решений. О таком можно только мечтать. Не всякому мужчине удастся в жизни избежать дурацких ошибок, совершенных под влиянием тестостерона.

Дана держала Глеба за руку и постоянно поглядывала на него с новой, только что рожденной улыбкой, какой раньше он никогда у нее не видел. «Она меня любит», – подумал он удовлетворенно и только тут сообразил, что, когда делал предложение, ничего не сказал о своих собственных чувствах. Надо было сначала признаться в любви, а уж потом предлагать руку и сердце. Впрочем, Дана умная, она наверняка поняла, что он просто... просто разволновался!

– Да что же вы стоите?! Вы садитесь, садитесь, – засуетилась Антонина Петровна. Ее многоярусное платье заколыхалось. Глебу было приятно, что будущая теща так следит

за собой. Прямо из дома, не переодеваясь, она может отправиться и на прием, и на именины. Красивый наряд, браслет, укладка... «С раннего утра и до позднего вечера она во всеоружии и готова к любым неожиданностям. Дочка вся в нее, – подумал он, сжав руку невесты. – Господи, как мне повезло-то! Дана никогда ни перед кем не выставит меня дураком».

В ту же секунду прошлое бросилось ему в лицо, завертевшись перед глазами обрывками воспоминаний, которые он всеми силами пытался вытеснить из памяти. Ему двенадцать лет. Огромный банкетный зал, растерянные лица гостей, красное от гнева лицо отца... Лучше бы он не видел, что произошло. Лучше бы накануне он заболел корью и остался дома, метался бы в горячке и ничего не знал. Дикая сцена до сих пор стояла перед его глазами, словно все случилось вчера. Он не мог от нее избавиться. Это был его самый страшный детский кошмар. Когда он рванул сквозь толпу к выходу, все смотрели на него с жалостью и испугом. Какая-то женщина попыталась удержать его, но он вырвался из ее рук, выскочил на улицу, скатился по мраморной лестнице и понесся, как заяц... В ночь, в пустоту, куда глаза глядят... Снова, как и много лет назад, ему стало душно от стыда, и он поморгал глазами, чтобы прогнать отпечатавшуюся в сознании картинку.

– Все нормально? – тихо спросил Леонид Иннокентьевич, тронув Глеба за локоть.

Темными глазами он ощупывал лицо будущего зятя, словно хирург, обдумывающий, как ловчее сделать первый надрез.

– Все просто прекрасно, – искренне ответил Глеб и широко улыбнулся: – Я немножко поглупел от радости.

– От радости можно. – Леонид Иннокентьевич ободряюще похлопал его по плечу. – И когда же состоится знаменательное событие? Может быть, Глеб, ты хочешь приурочить его к своему тридцатилетию? Два праздника в один день?

– Нет-нет, – покачал головой Глеб. – Я не очень люблю отмечать дни рождения. Вот свадьба – это настоящее большое событие.

– Папочка, мы еще ничего не обсуждали! – вмешалась Дана. – Глеб только что подарил мне кольцо. – Она грациозным жестом вытянула вперед руку, чтобы показать бриллиант. Тот послушно сверкнул благородным блеском. – И мы сразу поехали к вам.

От шампанского она покраснелась и приложила к горячей щеке ледяной бокал. Потом одним движением распустила волосы и сделалась совершенно неотразимой. В голове Глеба, где-то на краю сознания, мелькнула мысль, что ему никогда, ни разу не хотелось запустить в эту золотистую копну пальцы. Их с Даной страсть с самого начала была контролируемой. Они проявляли чувства в урочном месте и в урочное время, и это казалось Глебу восхитительным.

Все его предыдущие пассии без исключения постоянно

выводили его из себя бесстыдной демонстрацией чувств и приставанием на людях. Это их вечное хватание за руки, это нытье в ресторанах и на концертах: «Поцелуй меня! Обними меня! Ты мой и только мой! Ну, дай я тебя сама поцелую! Какие у тебя сладкие губки!» Еще они придумывали ему уничиительно-ласковые прозвища, называя то малышулей, то кукустиком. Глеб не желал быть кукустиком.

Дана оказалась глотком пресной воды среди всех этих киселей и сиропов. Она была хорошо воспитана и умела держать себя в руках. Место нежностям – в постели. Мамино воспитание и папина выдержка. У него будет идеальная жена.

– Может быть, устроим семейный ужин? – неожиданно загорелась Антонина Петровна. – Экспромты иногда получаются удивительно удачными!

– Нет, мамочка, Глеб заказал столик в ресторане, нам надо все обговорить. Мы ведь еще ничего толком не обсудили!

– Да, нам хочется побыть вдвоем, – подал голос Глеб. – Поедем на такси, раз мы выпили.

– Конечно, поезжайте, – энергично поддержал их Леонид Иннокентьевич. – Мы вас благословляем и все такое...

– И все такое, – эхом подхватила его жена.

Входя в лифт, Дана помахала рукой, Глеб засмеялся и тоже помахал. Лифт уехал. Антонина Петровна захлопнула входную дверь, повернулась к мужу и посмотрела на него расширенными от страха глазами.

– Леня, что теперь будет? – спросила она убитым голосом.

– Ничего не будет, – свирепо ответил тот. – Только не начинай причитать, хорошо?

– Тебе не кажется, что надо его предупредить?

– Предупредить *его*? Собираешься предать собственную дочь?!

– Не предать, а защитить!

– Оставь ее в покое, – рявкнул Леонид Иннокентьевич. – У нее все отлично, разве не так?!

– Сейчас отлично...

– Тоня, мы просто не имеем права вмешиваться. Дана никогда нам этого не простит, никогда. Ты только посмотри, как она счастлива!

– Но...

– Никаких «но», или мы рассоримся, поняла?

Ссориться с мужем Антонина Петровна была не готова. Она горестно вздохнула и, прикусив губу, отправилась убирать со стола. Страх стелился за ней, словно шлейф духов, которыми она утром сбрызнула запястья.

* * *

– Подожди рыдать, объясни толком, что случилось!

Агата изо всех сил прижимала телефон к уху. Другое ухо пришлось заткнуть пальцем, чтобы хоть что-нибудь услышать: гул толпы и шум машин страшно мешали разговари-

вать.

– Он... Я... У меня неприятности! Кошмарные! – рыдала трубка голосом Светки Кареткиной.

– Ты никого не убила? – Агата была гораздо рассудительнее школьной подруги. – И ты сама не покалечена? Руки-ноги целы?

– Я не знаю, что мне дела-а-а-ать! – продолжала выть и всхлипывать трубка.

– Где ты находишься? – спросила Агата, шарахнувшись от велосипедиста, который пронесся мимо, подняв нешуточный ветер.

Только что прошел дождь, и на улице стало прохладнее. В воздухе еще висела мелкая водяная пыль, способная испортить любую прическу.

– Я еще на рабо-о-о-оте!

– Сиди там, я скоро приеду, поняла? Мне потребуется полчаса, чтобы до тебя добраться. Сиди и жди моего звонка. Ничего не предпринимай. Тебе нужно продержаться всего тридцать минут!

На самом деле добралась она гораздо быстрее, потому что всю дорогу почти бежала. Конечно, Светка Кареткина была нюней, но чтобы рыдать вот так, в голос? Вероятно, случилось что-то действительно ужасное.

Огромная автомобильная стоянка возле высотного офисного здания была уже наполовину пуста. У сотрудников большинства фирм рабочий день закончился почти сорок

минут назад. Уехали начальники, разбрелись менеджеры, упорхнули секретарши...

– Ты все еще рыдаешь?! – поразилась Агата, набрав номер подруги и услышав все те же горестные всхлипы. – Представляю, на кого ты сейчас похожа! Вернее, не представляю, на кого ты похожа. Мне даже страшно это представить. Спускайся вниз, я жду тебя возле входа. Пойдем в соседнее кафе, выпьем горячего чаю с лимоном, и ты мне все расскажешь. А я дам тебе хороший совет. Я мастер давать советы, мне за это деньги платят. Действуй, вперед! Я поймаю тебя на улице.

Она спрятала телефон в сумочку и стала нервно расхаживать возле широкой стеклянной двери, из которой время от времени вываливался какой-нибудь припозднившийся клерк со следами компьютерной бледности на лице. Когда появилась Кареткина, Агата отступила на несколько шагов и прижала руку к груди:

– Мама дорогая! Я ожидала чего-то подобного, но это... Нет, я не ожидала ничего подобного. Ты выглядишь так, будто только что побывала в автомобильной мойке.

Она взяла подругу за руку и повлекла за собой.

– Он меня... – редела Светка. – Он меня...

– Кто «он?» – задала главный вопрос Агата, остановившись и развернув подругу к себе лицом. Ее тон не обещал ничего хорошего.

– Босс! – Светка размазала остатки туши по щекам. – Он меня... Он меня...

– Поцеловал?

– Если бы! Этот подонок меня... Он меня...

– Изнасиловал?!

– Уволил!!

И Светка заревела так горько и самозабвенно, что через полминуты начала икать. Агата достала из своей объемистой сумки папку с клиентскими договорами и начала изо всех сил обмахивать этой папкой несчастную подругу. На подругу это никак не подействовало.

– Черт бы тебя побрал, – пробормотала спасительница и снова двинулась вперед, потянув Светку за собой. – Смотри не наступи в лужу. Сейчас ты мне все расскажешь – что, как и почему. Помнится, когда меня уволили с работы, я просто очень сильно расстроилась. Я даже орала на своего босса. И все равно не была похожа на потрепанный ураганом кочан капусты.

– Он сделал это подло! Чужими руками! – продолжала причитать Светка. – А я думала, что нравлюсь ему! Он-то мне точно нравился... Но теперь я его ненавижу!

Тем временем Глеб Шагарин въехал на ту же самую стоянку перед офисным зданием и припарковал автомобиль неподалеку от входа. Ему во что бы то ни стало нужно было попасть в свой кабинет именно сегодня, но в рабочее время он приехать не решился. Зато сейчас был совершенно уверен, что Кареткина благополучно отбыла домой, и чувствовал себя практически счастливым. Но, как водится, если тебе ка-

жется, что ты увернулся от проблем, тебя ослепляют встречные фары.

Глеб захлопнул дверцу машины, развернулся и... нос к носу столкнулся с собственной секретаршей, которая отчего-то была похожа на жертву грандиозной подушечной драки. За руку ее держала незнакомая девица в ярко-красном платье. Глаза ее блистали гневом. От неожиданности Глеб замер на месте, не в силах скрыть замешательства. «Господи! – в смятении подумал он. – Вижу, ты решил наказать меня за малодушие».

– Разрешите, – сказала незнакомка, сделав шаг вперед. И, поскольку Глеб не пошевелился, недовольно добавила: – Пожалуйста, дайте нам пройти.

Ростом она была ниже Кареткиной, но не производила впечатление такой же дохлятины. На вкус Глеба, выглядела слишком броско, а он этого терпеть не мог. Яркое платье, туфли на шпильках, лакированный дамский портфельчик, буйные темные кудри... Все это осталось на периферии сознания, потому что она впиалась в него таким свирепым взглядом, что у Глеба непроизвольно сжалась диафрагма. Вряд ли в ее сумочке лежало что-нибудь страшнее газового баллончика, но смотрела она так, словно в любой момент могла достать пистолет и шмальнуть из него.

– Глеб Аркадьевич! – пискнула Кареткина, замерев на месте и уставившись на него. Она надула щеки, бурно задышала и явно приготовилась залиться слезами. – Вы со мной так

поступили... Это было нечестно! Вы даже не объяснили, чем я провинилась!

– Глеб Аркадьевич? – переспросила девица, державшая Кареткину за руку. – Это что, твой босс?

Глеб встретился с ней глазами, и вдруг в его груди, где-то глубоко-глубоко, внутри звякнул колокольчик. Он почувствовал острый укол в сердце, растерялся и на секунду забыл, где находится.

– Да! И он меня уволи-и-ил! – Горе Кареткиной получило новый яркий импульс.

Глеб вздрогнул и вышел из ступора. Постарался взять себя в руки и заговорил, стараясь, чтобы голос звучал холодно и непреклонно:

– Твой испытательный срок закончился, и я понял, что мы не сработались.

С холодностью и непреклонностью выходила какая-то лажа. Он выглядел как плохой актер, который говорит слишком громко и явно не справляется с ролью.

– Я с вами отлично сработалась! – По щекам Кареткиной побежали рейнские водопады. – Вы ни разу не жаловались!

– Ах, значит, это твой босс... – зловещим тоном повторила девица в красном, которой родители дали очень странное имя Агата.

– Разговаривать больше не о чем. – Глебу хотелось, чтобы от него как можно скорее отстали. Он готов был практически на все, лишь бы избежать сцен на людях. Он ненавидел пуб-

личные скандалы. Еще немного, и он пойдет на попятный. И даже возьмет Кареткину обратно в штат. Еще решительнее он продолжил: – Я нанял тебя на работу, ты мне не подошла.

– Это подло, Глеб Аркадьевич! Вы, Глеб Аркадьевич, должны были хотя бы намекнуть... Вы должны были...

– Я не люблю намеков, – раздраженно перебил Глеб. – А за всем, что я тебе должен, можешь обратиться в бухгалтерию.

Девушка, державшая Кареткину за руку, зловеще прищурилась и уже открыла было рот. Наверняка для того, чтобы выдохнуть гневные обвинения, но он ей этого не позволил. На него вдруг накатило странное, необъяснимое щенячье желание шугануть их, двух этих дур, вспугнуть и прогнать, как уток. Почему он, черт побери, должен миндальничать и скрывать правду?!

– Вот кем вы работаете? – Он посмотрел прямо в глаза Агате и требовательно выпятил подбородок. – Врачом? Учителем? И как ваше имя и отчество?

– Она диза-а-айнер интерьера, – прорыдала Кареткина, как будто все еще была обязана отвечать на его вопросы по долгу службы. – Агафья Константиновна...

– Ах, дизайнер! Вот теперь и представьте, дизайнер, что возле вас с утра до вечера вертится некто, кто дико вас раздражает. Он делает кое-какую необходимую работу, но постоянно мельтешит перед глазами и канючит... – И он передразнил мерзким голосом: – «Агафья Олеговна! Вам заточить карандашик, Агафья Олеговна? А то у вас все перелочить»

мались, Агафья Олеговна! А вы обед не пропустите, Агафья Олеговна? А то уже два часа дня, Агафья Олеговна!» Ну, как? Много хороших идей придет вам в голову, а?!

Пораженная Кареткина перестала рыдать и тонко икнула.

– Вам что, ввели сыворотку правды? – спросила Агата, глядя на Глеба с неподдельным изумлением.

– Я никогда так не разговаривала-а-а! – завывала Кареткина, закрыв лицо растопыренными пальцами.

Внутри у Глеба мгновенно разорвалась граната ярости. На секунду он даже ослеп от взрыва.

– Знаете что? Да идите вы к черту! Дайте мне пройти.

Ни одна из них не пошевелилась.

– Дайте же мне пройти! – повысил голос Глеб и топнул ногой.

Сделал он это совершенно напрасно, потому что прямо перед ним была лужа. Вернее, он уже стоял в луже, но до сих пор не замечал этого. И когда он злобно топнул, то попал в самую середину, и волна брызг, высокая и мощная, окатили обеих девиц с ног до головы. Они взвизгнули и отпрыгнули назад, но было поздно.

– Ах ты, кретин! – закричала Агата, отплеываясь. – Да чтоб ты провалился!

Ее платье было испорчено. Пострадали и туфли, и портфель. А что еще пострадало, Глеб увидеть не успел, потому что внезапно и без предупреждения получил удар, от которого мир перед его глазами на миг перекосялся.

Это дизайнер интерьера Агафья Олеговна сделала шаг вперед и изо всех сил шарахнула его по голове папкой с бумагами. Папку она во время разговора держала в правой руке, и с виду та казалась совсем не опасной.

Оправившись от удара, Глеб быстро огляделся по сторонам и увидел несколько знакомых лиц: запоздавшие сотрудники паслись возле своих машин и исподтишка наблюдали за происходящим. Душу Глеба затопило свинцовое унижение. Ему стало трудно дышать. Голова гудела. Но не драться же с двумя полоумными девицами?!

– Попрошу вас держать свои руки при себе, – процедил он сквозь зубы, обогнул рыдающую Кареткину и на негнущихся ногах направился к зданию.

Ему казалось, что на него смотрят, что в окнах полно людей и все над ним потешаются. Еще бы! Глеба Аркадьевича Шагарина на автомобильной стоянке огрели по башке. Только войдя в кабинет, он заметил, что его брюки грязные и мокрые. Кроме того, он вспотел и был не в состоянии сосредоточиться. Он даже забыл, зачем вернулся. Что ему тут было нужно?! Упав в кресло, Глеб устался в противоположную стену. Эта Агата... Чтоб ее! Унизительно, боже, как унизительно...

Когда Глеб дезертировал, Агата достала из портфеля упаковку бумажных салфеток и постаралась привести в порядок сначала себя, а затем мокрую подругу. После чего взяла Ка-

реткину под руку и доволокла до кафе, где в этот вечер яблоку было негде упасть. Впрочем, один столик в уголке почти сразу освободился, и подружки устроились друг напротив друга.

– Что тебе заказать? – деловито спросила Агата, обращаясь к Кареткиной, которая висела на своем стуле, как вареная макаронина. – Здесь полно жирных и сладких тортиков. Взбитые сливки тоже могут утешить в такой ситуации.

– Закажи, что хочешь, – вяло ответила та.

Агата сунула нос в сладкое меню и сразу же попросила официантку принести для них чай с апельсиновой цедрой и чизкейки. Она всегда принимала решения быстро. Побарабанила пальцами по столу, с сочувствием уставившись на подругу.

– Ну и фрукт этот твой Глеб Аркадьевич! А ты всегда говорила, что он классный.

Образ мужчины, который мог бы стать героем ее грез, а оказался всего лишь гадким боссом Кареткиной, мгновенно встал перед глазами Агаты. Да, он мог бы ей понравиться... Даже с первого взгляда. Но не понравился!

– Раньше он был классным. – Обида в глазах Кареткиной затвердела, как остывающий асфальт. Подруга перестала хлопать носом и обхватила себя руками за плечи. – Неужели я в самом деле его так бесила?

– Наплюй. Наверняка ему просто нужно было взять на твое место какую-нибудь подружку, вот он с тобой и разде-

лался. Ведь на самом деле повода для увольнения у него не было?

– Он меня никогда не ругал!

– Светка, ну что у тебя за подход? Тебе что, пять лет? «Он меня никогда не ругал!» Он не твой папочка и не твой надзиратель. У вас деловые рабочие отношения. Послушай, может быть, это увольнение еще можно оспорить.

– Я сидела на испытательном сроке, – возразила Кареткина, обратив свою обиду на подругу.

– Ну, даже если и на испытательном, – горячо возразила Агата. – Вот какое испытание ты не прошла?

– Не знаю... Ты же его слышала! Ему не нравился мой голос.

– Но голос ведь не вписан в трудовое соглашение.

– Как у тебя все просто! – сердито воскликнула Кареткина, напугав официантку, которая принесла заказ и как раз суетилась возле стола. Блюдечки с чизкейками жалобно звякнули. – Это потому, что тебе все легко дается!

– Ну, конечно. – Агата иронически изогнула бровь, дожидаясь, пока чай и пирожные не будут расставлены.

– Ты еще в школе такая была. Только прочитаешь какой-нибудь параграф и уже готова идти отвечать. А я зубрю и зубрю... Поэтому твоя пятерка и моя – две совершенно разные вещи.

– К твоему увольнению это не имеет никакого отношения, – добродушно заметила Агата, разлив чай по чашечкам

и с удовольствием вдохнув густой сладко-горький аромат.

В кафе было шумно и душно. Дым из курящей половины кафе медленно надвигался на публику со здоровыми легкими, как зловещий туман в знаменитом ужастике Джона Карпентера.

– Конечно, я не собираюсь оспаривать свое увольнение, – проныла Кареткина. Возможно, кусок чизкейка, который она отправила в рот, действительно смягчил ее обиду. – Очень нужно приходиться на работу и знать, что начальник тебя ненавидит. И еще глумится над тобой. Тебе-то хорошо: у тебя нет начальников...

– Открой свой бизнес, у тебя их тоже не будет, – пожалала плечами Агата. – Ты считаешь, что я неплохо устроилась? А кто тебе мешает сделать точно так же? Я тебе помогу.

– Сравнила свинью с жирафом! – неожиданно вновь обозлилась Кареткина.

Ее настроение менялось каждые две секунды, и кто-нибудь другой уже давно взвился бы. Но Агата имела богатый опыт работы с клиентами и пришла к выводу, что у большинства людей крыша просто привязана к голове веревочками. Стоит дунуть – и ее сносит, как картонку. Агата научилась стоять на своем и при этом не драть понапрасну горло, усмирять гнев и быть лояльной даже к откровенным самодурам и самодуркам.

Тем более удивительной казалась ей собственная недавняя выходка на автомобильной стоянке, когда она поддалась

какому-то животному порыву и изо всех сил огрела незнакомого мужика папкой по голове. Кстати, он вполне мог оказаться клиническим идиотом и в ответ заехать ей кулаком в челюсть. Некоторые мужчины дерутся с женщинами! Эту истину Агата открыла в тот день, когда сдавала отреставрированный летний домик владельцу сети автомастерских, а тому категорически не понравились ручки кухонных шкафчиков.

– И чем же ты собираешься теперь заниматься? – спросила она, глядя на подругу, хлебавшую восхитительный чай без всякого удовольствия.

– Я не зна-а-а-а-ю...

– Кажется, это не я звонила тебе вся в слезах, – напомнила Агата. – Но если поддержка тебе не нужна...

Она привыкла принимать Кареткину такой, какая она есть. Прощала ей грубость, вечное нытье и мелкие обиды просто потому, что Кареткина была подругой детства, а все, что заварилось в детстве, невозможно просто вырвать из сердца, как листок бумаги из блокнота. Это уже потом ты взрослеешь, становишься жестче, и листки летят по ветру, как журавли.

– Когда-нибудь, – Кареткина заговорила своим коронным тоном маменькиной дочки, – с тобой тоже случится что-нибудь такое, что тебя совершенно раздавит.

Она посмотрела на подругу круглыми кукольными глазами и заправила прядь волос за ухо.

– Спасибо, ты очень добрая, – проворчала Агата.

Она тут же вспомнила про больницу, про тайну, связанную с матерью, но решила ничем с рассерженной и возбужденной Кареткиной не делиться. Вряд ли ту удастся отвлечь от собственных горестей. Да и толкового совета она уж точно не даст. Никогда не давала.

– Вот ты сегодня вернешься домой, ляжешь спать, подкатишься Роману под бочок... – Взгляд Кареткиной неожиданно налился злобой.

– Если бы ты не прогнала Петухова, тоже могла бы спать у него под бочком. Он ведь хороший парень. Не понимаю, что вдруг на тебя нашло?

– Хороший парень, но ты бы в такого не влюбилась, – обвиняющим тоном заявила подруга.

– Просто потому, что я влюбилась в другого. О, кстати! Хочешь, покажу приглашения на свадьбу? – В этот момент мобильный телефон в сумочке Агаты пронзительно зазвонил. – Погоди, я сейчас...

Она достала телефон, зажала его между ухом и плечом и, крикнув «алло!», достала из портфеля картонную коробку.

– Погляди, какая прелесть, – сдавленным шепотом сказала она, сунув добытую вещь Кареткиной в руки.

– Что ты там шепчешь? – донесся до нее глубокий, красивый голос, при первых звуках которого по позвоночнику Агаты всегда пробегала стая восторженных мурашек. – Говори громче, мой жаворонок! Это твоя бабка Изольда.

Как будто ее можно было не узнать!

– Господи, как я рада тебя слышать! Как твои дела? Как себя чувствуешь? – зачастила Агата.

– Чувствую себя, как хавронья, которую привезли на ярмарку. Не то продавать будут, не то сразу резать. Ты знаешь, что я в Москве?

– Серьезно?!

– Ну, то есть не совсем в Москве, а... Святослав, где я нахожусь? – спросила она в сторону требовательным тоном. – Говорят, я нахожусь на Новой Риге. Не знаю, что это такое, но все вокруг выглядит так, будто должно охраняться государством.

– Это тебя Святослав туда привез? – догадалась Агата. – В гости, как я полагаю?

– Нет, насовсем. Выписал единственную доступную бабку сидеть со своими чадами. У сопливцев, понимаешь ли, обнаружился актерский дар. Я должна буду погружать их в атмосферу театра. Кроме того, маленькую Настю сразу начинает тошнить, когда в доме появляется новая няня. – Она понизила голос: – Или от няней начинает тошнить жену Святослава, я точно не поняла.

И Изольда Борисовна басом прохохотала что-то вроде музыкального фрагмента. У нее всегда это получалось неподражаемо. Было слышно, как где-то неподалеку завизжали дети. Кажется, они были в полном восторге от бабушки.

Агата страшно удивилась, что Святослав – не то ее трою-

родный, не то четвероюродный брат, которого она видела в последний раз лет в пятнадцать, – оказался столь человеческим и чадолюбивым. Когда она училась классе в пятом, ей казалось, что братца вырастили в пробирке. Насколько она помнила, в то время он был тощий, прилизанный и разговаривал голосом Пятачка из мультика про Винни Пуха. Постоянно мыл руки с мылом и по первому требованию рассказывал взрослым обо всех своих школьных достижениях.

– Погоди, погоди... Так тебя забрали насовсем? – не поверила Агата. – А как же сцена? Твой родной театр? Твой партнер по спектаклям?

– Партнер ушел на пенсию, – вздохнула Изольда Борисовна, – а театр остался стоять. И надо тебе сказать, когда я уезжала, плакала именно я. А он и слезинки не проронил, подлец. Бывшая прима провинциальных подмоствок – вот кто я теперь такая. Хотя примой-то я была давно, а в последние годы играла злобных старух и грозных цариц. Так что пора и честь знать.

– А как же твои кошки? – не желала сдаваться Агата. У нее все никак не укладывалось в голове, что Изольду Борисовну вырвали из привычной среды. – Что ты с ними сделала?

– Знамо что! Рассовала по котоноскокам и привезла с собой. Всю дорогу бедняжки орали так, будто март наступил еще в прошлом году, а они только сейчас спохватились.

– Тебя что, везли на машине? Из такой дали?

– На «БМВ», – сообщила Изольда Борисовна. – А шофе-

ром был негр в фуражке. Нет, вообрази? Может, это теперь у банкиров такая мода и я совсем отстала от жизни? Но, когда я уселась рядом с этим типом, мне показалось, будто я Скарлет О'Хара и мисс Дэйзи в одном лице. И клянусь, кожа этого шофера блестела, как моя новая сумочка!

Агата неожиданно сообразила, что улыбается – рот до ушей. Подняла глаза на Кареткину, которая, по идее, все это время должна была восхищаться приглашениями на свадьбу, и наткнулась на ее откровенно завистливый взгляд. «Светка в своем репертуаре, – пронеслось у нее в голове. – Наверняка сидит и копит в себе обиду на то, что у меня есть бабушка, а у нее нет».

На самом деле Изольда Борисовна роль бабушки всю жизнь исполняла из рук вон плохо. Агате она всегда представлялась Незнакомкой из пьесы Себастиана «Безымянная звезда». Прилетела, сверкнула – и привет. Она была яркой, умной, доброй, но совершенно не умела поддерживать отношения. Даже с единственной родной внучкой, которую любила всем сердцем. Врываясь в жизнь Агаты примерно раз в год, она осыпала ее поцелуями, давила в нежных объятиях, обещала писать, звонить, приезжать, слать открытки и подарки, но все заканчивалось короткими телефонными разговорами и дикими сожалениями, что «чертов театр» сожрал ее вместе с кишками и совестью.

– Я рада, что ты воспринимаешь все так оптимистично, – сообщила Агата. – Мы ведь сможем увидеться? Мне как раз

нужно порасспросить тебя кое о чем...

– Ну конечно, мой жаворонок! Святослав обещал не надевать на меня строгий ошейник. Мелкие сопливцы иногда выбираются из дому с собственными родителями, и в такие дни я надеюсь на увольнительные. Ты видишь, как мне повезло. Я всю жизнь жила в свое удовольствие и должна была умереть в канаве, в нищете и беспросветности. Но мне подфартило! Наверное, потому, что я такая незаурядная...

Закончив разговор, Агата обратилась к сидевшей с независимым видом Кареткиной:

– Извини, но ты сама понимаешь – бабушка!

– Тебя вот есть кому поддержать, – предсказуемо заняла подруга. – Если вдруг что, с голоду не помрешь. А я одна, как бездомная кошка!

– Почему бездомная? У тебя прекрасная двухкомнатная квартира, – привычно возразила Агата. – И я всегда могу тебя поддержать, мы же подруги.

– Дружба тоже иногда проверяется, – странным истерическим тоном заявила Кареткина и без всяких комментариев отдала Агате коробку с приглашениями на свадьбу. – Приходит такой момент, когда надо точно знать, настоящая рядом с тобой подруга или нет. И что именно ты можешь ей простить!

– Еще по чизкейку? – спросила Агата и улыбнулась до треска в ушах: – В честь твоей отставки.

– Нет уж, спасибо! Ты останешься стройной, а у меня на

боках появятся валики, – гордо ответила несправедливо уволенная. – Лучше я поеду домой и отварю кусок трески. Это здоровая еда.

«Да несчастная треска протухнет прямо на тарелке, если ты будешь ковырять ее с такой физиономией», – подумала Агата, терпению которой пришел конец.

Она честно довела страдальцу до метро, решив, что сама прогуляется пешком. Немного воздуха ей точно не повредит. «А вдруг, когда я выйду замуж, Роман станет вести себя примерно так же? – неожиданно подумала она. – Странно, конечно, сравнивать подругу с женихом, но чем-то они неуловимо схожи. Самоуверенные нытики. Нет, что за глупые мысли! Прочь их, прочь... Мой брак будет удачным, очень удачным. И я еще посмеюсь над своими страхами».

* * *

Глеб вошел в квартиру и с порога крикнул, что у него потрясающая новость. Домашние сразу сбежались: бабуля в фартуке, обсыпанном мукой, встревоженная младшая сестра Кристинка, заинтригованный отец.

– Что за новость? – первым спросил он, вопросительно подняв брови.

– Ребята, я сделал Дане предложение, – сообщил Глеб, стоя посреди гостиной с подобающе торжественным, как ему казалось, выражением лица.

Он примерно представлял, какова будет их реакция на это сообщение. Кристинка запросто может залиться слезами и убежать в свою комнату. Или фыркнуть и заявить, что она ни за что не придет на свадьбу. И неудивительно. Всего полгода прошло с тех пор, как ее собственный жених сбежал прямо из Дворца бракосочетаний: пометался по холлу, повращал глазами, а потом прихватил с собой вероломную подружку невесты, прыгнул в такси и был таков.

Отец наверняка похлопает его по плечу и спросит, не нужны ли сыну деньги. В любой сложной или просто значимой жизненной ситуации он поступает именно так и никак иначе. А вот бабушка наверняка будет счастлива и, возможно, даже заплачет от радости.

Он не угадал. То есть совсем не угадал. Кристинка взвизгнула и бросилась ему на шею. Щеки ее полыхали пионовым румянцем.

– Глебусик, я тебя поздравляю! Какое счастье! Я пойду на твою свадьбу, и чары падут! Я больше не буду бояться фаты и лимузинов. Боже, как я тебе завидую... Дана в свадебном платье будет смотреться офигенно!

Вместо того чтобы хлопать Глеба по спине и спрашивать про деньги, отец широко улыбнулся и громко крикнул, обернувшись назад:

– Марго! Марго, иди скорее сюда. Потрясающая новость – мой сын женится!

Из соседней комнаты появилась Марго – недоверчивый

взгляд и прикушенная нижняя губа. Светлые волосы стянуты в узел, халат запахнут и крепко завязан поясом. Она всегда была именно такой – красивой и наглухо закрытой.

– Ты в самом деле женишься? – спросила она своим фирменным низким голосом. – Или это какая-то шутка?

Глеб с изумлением увидел, как ее вечно сухие и зоркие глаза увлажнились, и растерянно ответил:

– Нет, я не шучу, я сегодня сделал предложение, подарил кольцо...

И тут Марго неожиданно уткнулась носом в плечо отца и всхлипнула.

– Подождите, я ничего не понял, – сердито сказал Глеб. – С какой стати слезы?

– Не обращай внимания, – сказал отец с кривой улыбкой. – Мы с Марго давно хотели пожениться, но... Я решил, что это случится, только когда женишься ты. Так будет правильно. Не женив сына, я не могу устраивать личную жизнь. Так что теперь...

Он обнял Марго за плечи и прижал к себе.

– Мы поженимся? – глухо спросила она ему в рубашку.

– Конечно! Я же обещал. Как только дети определятся с датой свадьбы, мы назначим собственную, идет?

Марго отстранилась, быстро поцеловала его в губы и, подняв глаза на Глеба, сказала:

– Поздравляю тебя. Это... замечательно.

– Я вас тоже поздравляю. – Глеб растерянно смотрел на

них.

Отец все еще производил впечатление – сухощавый, нервный, с густой копной темных волос и глазами врубелевского «Демона». Они с Марго идеально подходили друг другу. Глеб почему-то представлял их парой перчаток. Одинаковые перчатки – на правую руку и на левую. «Если продолжить эту странную аналогию, – подумал он, – то мама рядом с отцом всегда казалась перчаткой с чужой руки. Неудивительно, что их брак развалился».

– Выходит, я всех осчастливил, – заявил Глеб и посмотрел на бабушку, ожидая увидеть слезы радости на ее глазах.

Вместо этого он наткнулся на ее мрачный взгляд. Нос, испачканный мукой, опасно заострился.

– Ба, ну в чем дело? – спросил Глеб. – У тебя такой вид, как будто я записался в армию и уже собрал вещмешок.

Он подошел к ней, взял ее за руки и просительно заглянул в лицо, как в детстве.

Клавдия Васильевна покачала головой. Кожа у нее была пергаментной, изрезанной, словно лед коньками, тонкими пересекающимися морщинками. Но глаза по-прежнему жили своей яркой молодой жизнью, хотя и потеряли с годами большую часть оглушительной синевы.

– Ты правда ее любишь? – негромко спросила она.

– Ба, да ты чего! – Глеб опешил. – Мы с Даной уже сто лет вместе. Присмотрелись друг к другу, притерлись, поняли, что почем. Мы отличная пара, все так говорят.

– «Все говорят!» Милый мой, градус отношений меньше всего зависит от температуры окружающей среды, – проворчала Клавдия Васильевна. – Знаешь, что я тебе скажу? Ты на все смотришь будто со стороны. Уж очень тебя заботит, кто и что о тебе подумает. Боюсь, что ты просто не умеешь решать сердцем. Не умеешь, и все тут. – Она с сожалением покачала головой.

– Ты типичная перестраховщица, – заявил раздосадованный Глеб. Он-то думал, что бабушка будет на седьмом небе от счастья. – Мое сердце делало предложение вместе со мной. Вот если ты сейчас не скажешь, что рада за меня, я не женюсь!

– Я рада, рада, – улыбнулась наконец Клавдия Васильевна. – Поздравляю тебя, золотой мой.

– А почему вы не приехали вдвоем? – спросил отец, обнимая Марго за плечи. – Вместе с Даной?

– Я думаю, ей бы хотелось узнать, что мы очень рады, – подхватила Марго.

Когда отец занимался кардиохирургией, Марго много лет была его медсестрой. Большую часть суток оба проводили в клинике. Так что с какой-то точки зрения они прожили вместе довольно долгую жизнь. Не факт, что счастливую.

– Мы с Даной сегодня слегка перегуляли, – засмеялся Глеб. – Кроме того, у нее проблемы на работе... Обещаю: на следующей неделе мы приедем к вам вместе. Если, конечно, бабуля напечет пирогов.

Клавдия Васильевна улыбнулась, как дракон, которому пощекотали брюхо. Глеба ее улыбка обеспокоила. «Нет, не может она что-то иметь против Даны, – одернул он себя. – Дана всем нравится! Бабуля просто привыкла к тому, что она имеет на меня влияние. А тут появится жена, и все сразу изменится. Наверное, для женщин это нормально. Они соперничают между собой и за внуков, и за сыновей, и за мужей, и ничего в этом удивительного нет». Решив так, Глеб успокоился и поцеловал Клавдию Васильевну в щеку, сестру Крестинку – в нос, а отца обнял и похлопал по спине точно так, как делал сам Аркадий Николаевич, когда на него накачивали отцовские чувства.

Марго просто пожалала ему руку и тихо сказала:

– Надеюсь, ты не передумаешь, Глеб. – В ее взгляде промелькнул холод хирургической стали. – Давши слово, держись.

Она сложила губы в подобие улыбки, но такая улыбка ей совсем не шла.

Глеб вышел на улицу под впечатлением от этого последнего напутствия. На улице уже совсем стемнело, но было по-прежнему тепло и душно, словно на город набросили тяжелое темное покрывало. Таксист курил возле машины, с усмешкой слушая, как по рации орет диспетчер: «Не Человеческое шоссе, а Челобитьевское! Ты бы карту города поизучал на досуге, двадцать второй!»

Глеб с благодарностью подставил лицо слабому ветерку и

на секунду прикрыл глаза, подумав о Дане: «Интересно, как-то мы уживемся вместе? Каждый из нас привык к независимому существованию, а тут придется делить все на двоих – не только постель, но и шкафчик в ванной, и кухню, и свободное время, и много чего еще».

Он уже начал представлять было, как утром они с Даной вместе просыпаются и пьют на кухне кофе... Но вдруг неизвестно откуда из глубин памяти выскочил образ девицы, которая на офисной стоянке стукнула его папкой по голове. Агата, на минуточку. Не Маня, не Таня, не Соня и не Тоня. Ее глаза горели азартом, в них была такая энергия, которая может перевернуть землю без всякой точки опоры. Внутри у него снова тренькнул колокольчик, словно предупреждая о чем-то.

«Да ну ее к черту, – с досадой подумал он. – Я ее никогда больше не увижу. Ни ее, ни Кареткину».

* * *

– Ты можешь приехать? – спросила телефонная трубка дрожащим голосом Светки Кареткиной.

– Куда и когда? – деловито поинтересовалась Агата.

Она сидела в офисе за рабочим столом, уставившись в ежедневник, и слова подруги восприняла как задачу, которую следует выполнить.

– Приезжай прямо сейчас, – потребовала Светка. – Я в

торговом центре, на нашем обычном месте. Пью чай с мятой. У меня к тебе очень серьезный разговор. О-о-очень серьезный.

– Что за разговор? – без особого интереса поинтересовалась Агата, улетевшая мыслями в загородный дом, который она сейчас обставляла.

– Разговор, который может изменить твою жизнь.

– Мою? – Агата почесала ручкой за ухом.

– Мою... Твою... Какая разница?! – Кареткина, как обычно, завелась с полоборота.

Если ей что-то было нужно или просто чего-то очень хотелось, она становилась невыносимой и добивалась своего не мытьем, так катаньем.

– Ладно, – быстро согласилась Агата. Положила трубку, потянулась до хруста в косточках и вслух сказала, обращаясь к ежедневнику: – Непросто иметь такую вредную подругу. Но куда деваться?

У нее, разумеется, были и другие подруги, не такие приставучие, но Кареткина постоянно оттесняла их, претендуя на то, чтобы быть самой близкой, самой-самой. «Хоть бы она влюбилась в кого-нибудь, – подумала Агата. – Направила бы свою энергию на охмурение избранника. Впрочем, женское счастье залегает гораздо глубже, чем мужское. Приходится годами грызть пустую породу, прежде чем наткнешься на самородок. Интересно, а Романа можно сравнить со слитком золота? Тем более он такой рыжий».

Она фыркнула и отправилась в кабинет своего компаньона Гаврилова, обладателя отменного вкуса и отвратительно-го характера. По причине последнего с клиентами он не общался, взяв на себя закупку товара и практически всю текучку. Женщины быстро влюблялись в Гаврилова и еще быстрее в нем разочаровывались, потому что он был бессердечным и вместо сердца носил в груди кассовый аппарат, жаждавший выручки, а не любви.

– Макс, я уеду по личному делу, – доложила Агата, без стука открыв дверь.

– Мгм, – ответил тот, ползая по полу и прикладывая кусок ткани к образцам обоев.

– Не могу понять, почему то же самое нельзя делать за рабочим столом, – попеняла ему Агата.

– Сюда все равно никто, кроме тебя, не заходит, – ответил Гаврилов, поднял голову и посмотрел наконец на нее: – Слушай, мне кажется, у тебя скоро свадьба.

– Ну да, – улыбнулась Агата.

– Не нравится мне это. Женщина на пороге замужества должна светиться, как люстра. А ты стала в два раза деловитее, а не в два раза счастливее.

– Не преувеличивай. – Агата повела плечом. – Подготовка к свадьбе – процесс трудоемкий и нервный. Мне просто некогда предвкушать и светиться.

– Я видел твоего избранника. – Макс, крякнув, поднялся на ноги и отряхнул руки и коленки.

– И что? – Агата насторожилась.

У Гаврилова был острый глаз, он подмечал много такого, на что другой человек и внимания не обращал.

– Он не похож на твоего единственного.

– Знаешь, Макс, жизнь несправедлива. Ищешь свою вторую половинку, а находишь все время какие-то огрызки.

– Выходит, ты собираешься замуж за огрызок?!

Агата рассмеялась, решив обратить разговор в шутку:

– Ты пытаешься испортить настроение хорошенькой женщине!

– Знаешь, не все хорошенькие женщины становятся хорошими женами. Возможно, тебе стоит отказаться от брака и до старости крутить романы.

– Иди к черту, Макс! – воскликнула Агата. – Я очень домашняя. В свободные минуты вяжу крючком и пеку овсяное печенье. Я хочу настоящий семейный очаг.

– Давай закажем тебе электрический камин с эффектом живого огня. Нет, я серьезно.

Обозвав его поганцем, Агата наотрез отказалась от камина и выбежала из офиса. Макс ее здорово расстроил. Неужели она действительно не выглядит счастливой? Но ведь она хочет замуж, и еще как! Нет, никто не собьет ее с пути. В конце концов она приняла решение не с бухты-барухты. Она все продумала до мелочей. Выбирать приходится из того, что есть, и точка. Да, она обожает романтические фильмы, верит в великую любовь, но верит и в то, что такая любовь случа-

ется только со счастливыми. Остальным приходится искать подходящую пару, а потом разжигать в сердце любовь и нежность, чтобы сделать свой дом теплым, а избранника – счастливым. Вот так-то.

Агата нервно нажала на газ, вырулила на шоссе и сразу же подрезала черный джип. Он погнался за ней, поравнялся и загудел. Водитель лег животом на руль и повернул голову, готовясь, вероятно, угрожать и матюгаться, но, увидев Агату, обреченно махнул рукой и умчался вперед. Та вздохнула с облегчением. Хорошо, что ее не снесли с дороги. Водителей на автомобилях размером с танк она боялась до ужаса. «Хам на «Хаммере» сидит. Хам из «Хаммера» глядит», – вспомнилась ей песенка Тимура Шаова.

– Немедленно успокойся, – вслух приказала себе Агата, быстро посмотревшись в зеркальце заднего вида.

Глаза у нее блестели нехорошим лихорадочным блеском. Подъехав к торговому центру, она долго кружила по стоянке в поисках места. И в конце концов припарковалась неудачно: трижды криво въехала в свободное пространство между другими машинами и трижды поправилась, закончив маневр на хлипкую троечку. Выбралась наружу и заметила неподалеку ухмыляющегося охранника.

– Это из-за вас я не смогла нормально припарковаться! – возмущенно сказала ему Агата, приблизившись. – Вы смотрели на меня, как кот на вареник, я смутилась и чуть не врезалась в чужую машину.

С лица охранника медленно сползла ухмылка.

– Я не смотрел, – на всякий случай сказал он.

– Вот подам на вас в суд за сексуальное домогательство, будете знать! – заявила разгневанная Агата, которой во что бы то ни стало нужно было выпустить пар.

Раскрасневшаяся, она влетела в торговый центр, поднялась на второй этаж и направилась к небольшому кафе, которое они со Светкой облюбовали несколько месяцев назад. Здесь варили удивительно вкусный кофе с особенно пышной пенкой, которая не шла ни в какое сравнение с продуктом сетевых кофеен. Эту пенку можно было есть ложкой как десерт.

Кареткина сидела в самом углу с видом примы-балерины и грызла морковную палочку. «Интересно, что у нее на сей раз? – подумала Агата. – Возможно, Светка продолжает войну с бывшим боссом? И сейчас мы будем обсуждать, какой он гад». Вспомнив этого самого босса, Агата почувствовала, как у нее внезапно екнуло сердце, и испугалась.

«А ну, стоп, – приказала она себе. – Я что, впадаю в детство? Ну да, этот мужик классно выглядит, но он турнул Светку с работы, и, значит, на нем следует поставить крест. Хотя я и сама вряд ли взяла бы Кареткину в секретарши... В любом случае этого типа следует выкинуть из головы. Я ведь выхожу замуж, а это радикально меняет картину мира».

Увидев подругу, Кареткина томно помахала рукой.

– Приветик, – выдохнула Агата, плюхнувшись на стул. –

Выглядишь хорошо. Вон румянец на щеках...

– Это не румянец, а раздражение от нового крема, – ответствовала Кареткина, с тревогой глядя на подругу. – Хорошо, что ты вырвалась. Потому что мне нужно поговорить с тобой об одном важном деле.

В тот же миг возле них появился официант, вооруженный бойкой улыбкой и картонным меню. Агата схватила меню, сразу же сунула нос в раздел «Десерты» и сделала заказ.

– Я только что разрешила себе съесть сладкое. Усилием воли я отодвинула свою силу воли в сторону, – пошутила она. – Действительно хочешь поговорить о чем-то важном? Это хорошо. Все-таки ты оторвала меня от бизнеса, а не от вышивания гладью.

– Перво-наперво я должна напомнить тебе, что мы закадычные подруги, – нервно заявила Кареткина, схватив недогрызенную морковку и отхрумкнув кусок. – И если тебе не понравится то, что я скажу, обещай не рвать меня на клочки. Дай мне слово.

Агата внезапно развеселилась:

– Клянусь, что ты выйдешь отсюда целой и невредимой. Ну, приступай. А то ты меня прямо заинтриговала...

Кареткина сделала глубокий вдох, выпучила голубые глазки и выпалила:

– Агафья, ты не должна выходить замуж за Стрыкина!

– Ну, здрасте, – сказала Агата, и ее давешняя искренняя улыбка превратилась в нечто деревянное и неприятное гла-

зу. – Ты это сейчас серьезно?

– Совершенно серьезно. – Светка взволнованно облизала губы и заправила прядку волос за ухо. – Роман – не твой человек. Когда я увидела приглашения на свадьбу... Знаешь, у вас все зашло слишком далеко. И это совершенно неправильно!

Агату захлестнуло возмущение. Никогда, никогда Светка Кареткина не радовалась за других! Она никогда не хвалила подружку за то, что та начала ходить в спортзал и похудела, делала вид, что не замечает ее новую прическу или сногшибательную сумочку... Агата не раз задумывалась о том, что дружба у нее с Кареткиной получается какой-то односторонней: Светка готова была только принимать комплименты, обсуждать исключительно свои проблемы и никогда ничего не давала взамен. Прежде Агата оставляла это без внимания. Но теперь, когда речь зашла о столь важном деле, как замужество, она просто не смогла утерпеть.

Клокочущая ярость медленно поднялась из глубин ее существа и уже готова была выплеснуться наружу. Чтобы не лопнуть от этой ярости, она решила сразу и от души высказаться, что и сделала с большим удовольствием:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.